

МУЗЫКАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА ЮГА РОССИИ MUSICAL CULTURE OF THE SOUTH OF RUSSIA

Людмила Варавина: «С ГОДАМИ ПРОСТРАНСТВО ИНТЕРЕСОВ РАСШИРЯЕТСЯ»

Л. В. Варавина – видная фигура в мире баянно-аккордеонной педагогики. Выпускница Ростовского музыкально-педагогического института (ныне консерватория), с 1973 преподаёт в родном вузе. С 1991 – заведующая кафедрой народных инструментов, с 2011 – кафедрой баяна и аккордеона. Заслуженный работник высшей школы (1997), профессор (1998). Подготовила более 100 студентов по специальности, свыше 20 ассистентов-стажёров, среди которых руководители учебных заведений и творческих коллективов, солисты ансамблей и оркестров, доценты, профессора, кандидаты наук. Её воспитанники более 200 раз становились лауреатами и дипломантами престижных всероссийских и международных конкурсов. Ведёт активную научно-методическую работу, автор более 60 публикаций. Регулярно проводит мастер-классы, открытые уроки, семинары, курсы повышения квалификации, выступала с лекциями во многих городах России, а также на Украине и в Шотландии. Организатор десятков научно-практических и методических конференций, всероссийских и южно-российских конкурсов. Регулярно приглашается в качестве председателя или члена жюри конкурсов различного ранга, эксперта в рамках проведения аккредитаций учебных заведений, председателем ГАК. Член Совета Межрегиональной ассоциации баянистов и аккордеонистов (МАБА, Москва).

По следам недавнего юбилея Людмила Васильевна дала интервью для нашего издания.

– Ситуация любопытная: мы знакомы с тобой, страшно сказать, 50 лет. Наша жизнь проходит на глазах друг у друга, общаемся регулярно, и потому я не так уж мало о тебе знаю. Но чтобы вот так сесть за столом напротив друг друга и поговорить в течение часа о важном – такого не было. Рад, что представился повод для подобной беседы. Что касается твоего профессионального пути, учителей, учеников, об этом превосходно рассказано в интервью

Елене Показанник и в очерке Любови Буряковой*. Но кое-что осталось за пределами этих материалов, поэтому я хотел бы в нашем разговоре затронуть и вопросы, не связанные напрямую с профессией. Единственное уточнение относительно, так сказать, работы: когда ты поняла, что твоя стезя – это преподавание и научно-методическая деятельность?

Вопрос, который я никогда себе не задавала, но сейчас могу, пожалуй, точно ответить. На меня

* Показанник Е. Л. В. Варавина: «Не прерывать нить, связывающую моих учителей и моих учеников» (К 60-летию Л. В. Варавиной) // Южно-Российский музыкальный альманах-2008. Ростов н/Д: Издательство РГК им. С. В. Рахманинова, 2009. С. 202–207.

Бурякова Л. Людмила Варавина: Вехи творческого пути (очерк-воспоминание) // Музыкальная академия. 2015. № 2. С. 118–125.

произвели неизгладимое впечатление заседания научного студенческого общества, которые вели Анатолий Цукер и Лия Яковлевна Хинчин. Они стали для меня открытием! То, о чём и как там говорилось. Мои педагоги были все замечательные, неординарные люди, но от методики, музыковедения они были всё-таки далеки. Новый для меня взгляд на музыку, вовнутрь исторических и теоретических процессов буквально ошеломил.

То есть первый шаг в эту сторону был сделан ещё в студенческие годы?

Да. Я старалась посещать научные конференции, лекции учёных. Было интересно, когда говорили о музыке не с точки зрения «сыграй здесь так-то, вырази не пойми что, неясно почему, обратись к своему чувству, интуиции» и тому подобное. Открывался огромный мир, требующий бесконечного познания.

Вопросы формы, стиля?..

Музыкального языка, его структуры, музыкальной эстетики. Помню, например, доклад Цукера о гротеске в музыке Шостаковича. Как-то раз по какой-то общенаучной дисциплине мне досталась тема доклада на семинаре: «Реализм в музыке». Сажу, читаю, об этом много публикаций – и совершенно не понимаю, о чём писать. Как это – реализм в музыке? И я решила пойти за советом к Лии Яковлевне Хинчин. Она смерила меня взглядом снизу вверх, помолчала и сказала: «В моём классе выполнялась работа на похожую тему, и вывод такой: реализма в музыке не существует». Вот какие темы она рассматривала тогда! И как рассматривала... Каков полёт, какая смелость мысли! Она жила всё-таки в другом мире.

Такие впечатления не забываются. Всё, что я узнавала на заседаниях, конференциях, лекциях о великих музыкальных произведениях, было намного интереснее освоения того баянно-аккордеонного репертуара, который составлял основу учебных программ. Та музыка не могла быть питательной средой для мысли, которую во мне уже разбудили. Естественно, я начала теряться.

Ты говоришь: «Я пришла – и была поражена». Но для начала надо прийти. Думаю, не все твои конкурсы сидели на том заседании. Значит, некая духовная жажда уже существовала... У тебя большой список научно-методических работ, докладов на конференциях такого же профиля. Я увидел там несколько сквозных тем, которые тебя, по-видимому, влекут на протяжении многих лет. Конкурсы, их роль и значение, их плюсы и минусы; редактирование баянной литературы; репертуар – как концертный, так и педагогический; техника игры на инструменте. И темы, которые совсем уж близки музыковедению: творческие портреты исполнителей и композиторов. Я ничего не упустил?

Пожалуй, это основное. Есть ещё отдельная область интересов: развитие национальной гармонии. Интересно наблюдать историю инструмента, потому что она не похожа на становление ни одного другого. Феномен национальной гармонии меня поражает. Представить только: весь Северный Кавказ, а это огромная территория, – область распространения национальной гармонии. Она по сути вытеснила все другие национальные инструменты буквально за 20 лет. Я стараюсь всё время понять: почему? Ведь когда гармоника начинала своё завоевание, она была диатонической, а музыка кавказских народов изначально не диатоническая. Как она стала неотъемлемой частью национальной культуры, просто инструментом номер один? Любопытно, что во всех республиках Кавказа – Дагестане, Осетии, Адыгее, Кабардино-Балкарии, Черкессии – огромное количество людей обучалось игре на баяне и аккордеоне. В музыкальных училищах, школах преподавали выпускники ведущих музыкальных вузов. Сейчас их там почти не осталось. Либо они переквалифицировались и преподают игру на национальной гармонике.

Интерес, наверное, возник, в связи с твоими многочисленными поездками по училищам региона?

Конечно, им нужно было помогать; я из тех, кто не отворачивается от этого инструмента. Считаю, коль у него такая судьба, он заслуживает внимания и поддержки.

Нельзя ли прокомментировать названные тематические направления твоей научно-методической работы?

Начну издалека. Одно время я очень увлекалась философской литературой. У мамы философское образование (наряду с историческим), я росла среди серьёзных книг. Читала, не всё понимая, но всё же читала – в то время, когда многие не знали об их существовании. Потом это переросло даже в отрицание художественной литературы. Меня фабула раздражала вообще, как таковая. После этого я приплыла к восточной культуре, увлеклась афоризмами мудрых, великих, притчами...

Восток какой – арабский?

Всякий: и Япония, и Китай, и арабский. Отсюда, наверное, интерес к этим странам, которые я посетила, когда появилась такая возможность: Китай, Гонконг, Таиланд, Камбоджа, Индия, Непал. Изучала, постигала их философию и культуру. Это всё относится к твоему вопросу о методических темах. Так вот, в какой-то момент я поняла, что на каждый человеческий проступок, на каждую человеческую глупость и даже не порядочность можно найти некую красиво звучащую мудрость.

Которая бы оправдывала или осуждала?

Оправдывала бы и преподносила что угодно в очень красивой упаковке. В этом смысле мне был интересен Ошо, который поглумился над всеми этими мудростями.

Ошо – это кто? Прости моё невежество...

Индийский мыслитель. Он на одной странице утверждает одно, на следующей странице высмеивает это утверждение и выдвигает другое. И оба представляются справедливыми! Так он наводит на мысль, что нет «мудрости на все случаи жизни», что многие явления могут быть истолкованы по-разному. То, что сказано в десяти заповедях, в общем-то, исчерпывает потребность человека в осмыслении себя.

Ты говоришь, что есть вещи, которые можно истолковать и так и сяк. Но как можно по-разному истолковать «Не убий»? Или «Не укради»? К «Не убий» ещё можно найти исключения, скажем, война, где это неизбежно...

Украсть можно и мысли. Мне кажется, это шире, чем украсть деньги.

Так всё-таки есть вещи однозначные и неколебимые?

Любовь. Умение любить.

И как это связано со статьями на методические темы, с чего мы начали?

Меня интересовало в исполнительстве то одно, то другое: то роль педагога, то каким образом подходить к музыкальному произведению, то как лучше развивать ученика, то как приспособить какие-то «не наши» стили к нашему инструменту, что играть, как играть. В какой-то момент, не так давно, я поняла, что всё, что я написала, разрознено, вместе не стыкуется. Хотелось бы прийти к чему-то цельному...

Что объединяло бы все эти интересы?

Да. И что же такое наша методика? Скажем, во многих работах описывают, какое надо сделать движение, чтобы получился штрих portato. Но это просто нонсенс, глупость! Нельзя описать движение! Не нужно его описывать! И нельзя идти от движения, заучивать их с детьми. Они потом и играют заученными движениями. Такова методика обучения. Музыка, её стиль, образ подсказет то или иное движение.

И что бы это могло быть, как назвать ту интегральную тему, которая вобрала бы в себя перечисленное?

Думаю. Ищу (улыбается).

Надо было тебе диссертацию писать! Хотя... Как говорится, учиться никогда не поздно.

Есть такая сентенция: «Важно быть не лучше кого-то, а лучше самого себя». То есть завтра быть лучше себя сегодняшнего. И в этом плане у меня есть чувство неудовлетворенности. Если

анализировать то, что я написала и опубликовала, там, наверное, всё неплохо. Но всё как-то... по отдельности... У меня две работы вообще в виде афоризмов написаны. Читать длинные наукообразные тексты сейчас никто не хочет. Приходится слышать: «Я читал по диагонали». Совершенно не понимаю, как это? Идя навстречу этому нежеланию, и написала эти работы: можно читать с любого места, и читать ровно до тех пор, пока не надоело.

Как в книжечке Натана Перельмана «Беседы у рояля»? Какой там блеск мысли и слова!

Не могу себя сравнить с ним ни в коем случае. Но жанр интересный. И он сделал это великолепно. Я была на его уроках в Санкт-Петербурге...

Теперь давай выйдем за пределы музыки. Музыка – это, конечно, вся наша жизнь. Ну, почти вся. И всё-таки что-то должно быть помимо неё, потому что жить профессией нужно, но жить только профессией – это значит и ею не жить. Поговорим о других искусствах, о твоих интересах в этой сфере: как они формировались, каковы они сейчас?

Примерно лет с трех, когда мы жили в разных городах Украины, папа ещё служил в армии, родители возили меня в оперный театр в Киев. Посещали и музеи.

А папа кто был по специальности?

Он окончил военное училище, потом, после войны, мы тогда в Австрии жили, несколько лет учился в институте иностранных языков. Но прошлое отца-кулака не позволило ему двигаться дальше.

И кем он работал?

После армии он учился в трёх техникумах, и, кажется, трёх вузах. Папа всю жизнь учился, до 60 лет. Он какой-то гидравлический техникум заканчивал, институт виноделия в Одессе, что-то машиностроительное в Запорожье, всего не упомяну, потому что у него не раз менялись направления. А работал он много лет на подшипниковом заводе главным инженером. Так вот, специально возили на оперу, ведь мы жили то в Радомишле, то в Новоград-Волынском, в Житомире, Луцке...

...Маленькие города...

Да. А мои бабушка и тётя жили в Ленинграде, они тоже меня просвещали, везде водили, я у них месяцами жила.

Это в каком возрасте?

С пяти лет. Возможно, и раньше, но я помню себя там лет с пяти. Поэтому я не могу сказать, что это вдруг возникло. Даже не могу сказать, что когда-то, в определённый момент испытала потрясение. Искусство в моей жизни было всегда...

Русский музей, Эрмитаж?

И не только, в Москву тоже не раз ездили. Родители были легки на подъём. Переезжали из города в город, перевозили только книги и самих себя. Ни мебели никогда не было, ни сервизов... Наверное, более осознанный интерес к живописи возник, когда я в дни юности начала читать популярную серию «Жизнь замечательных людей».

Она и сейчас существует...

Да, но я не вижу, чтобы все вокруг ею зачитывались.

А ты много видишь людей с «толстым» литературным журналом подмышкой? Раньше можно было в парке или в зале ожидания аэропорта увидеть молодого человека, читающего «Новый мир». Ты его сразу выхватывал взглядом: ага, наш человек. Сегодня – другой молодой человек – читает газету с кроссвордами. Но это другая тема...

Я стала читать о художниках, почему-то не о композиторах, а о художниках. Музыка я просто любила как музыку, классика звучала каждый день по радио. И спектакли: театр перед микрофоном. Заслушавшись, могла остановиться и забыть, куда иду. Пластинки, конечно. Помню себя ребенком, звучит какая-то симфония, и я думаю, что вот в этих волнах музыки я хотела бы жить всегда.

Так оно и получилось...

Да, но книги из серии «ЖЗЛ» я читала всё-таки о художниках, очень интересна была их судьба, описание картин, стиля. Писалось обязательно и о том, что, дескать, он чего-то не понимал, подавался буржуазной идеологии... Опять же – про реализм. Я на этом не задерживалась. Потом наступил период, когда в картинной галерее уже по-другому смотрела на живопись: зная о жизни художников, я стала больше видеть в их картинах. Мои симпатии, пристрастия менялись... Вот я сию минуту это уразумела... То мне нравились только пейзажи, я буквально тонела в них, то был период увлечения портретом. Сейчас у меня на первом плане барочная живопись. Я даже страны для путешествий выбираю соответствующие: Италия, Германия, Франция, Бельгия, Люксембург, Англия, Шотландия...

Во времена нашего детства и юности была очень популярна живопись жанровая, передвижники: сцены из жизни... Суриков...

Да, все эти несчастные дети: что-то везут, куда-то бредут... Но когда я попала в Национальную галерею в Лондоне, подумалось: что же я ни одной картины русских художников не увидела?

Всё скупил Третьяков...

Дело в том, что многие сюжеты, которые мы видим у русских художников, – это цитирование

барокко европейского, композиционное и сюжетное. Только хуже. Всё мрачно и тоскливо, невыразительно. В картинах западноевропейских художников есть и приход жениха, и неравные браки, и дети, которые хоронят своих родителей, – практически все сюжеты русской живописи. Это поразило. Похоже на наших, но написано, на мой взгляд, динамичнее, изысканнее. Простите, талантливее. Подумала: и хорошо, что наших там нет, они бы проиграли на этом фоне. И конечно, очень нравится живопись начала XX века.

Русский авангард?

Да, он украшает любые галереи. Так что мои увлечения сейчас – барокко и начало XX века.

Русский Серебряный век?

Серебряный век. Что-то похожее, как мне кажется, произошло и с нашей поэзией Серебряного века. Когда я познакомилась с Рильке, то поняла, что все наши поэты-«серебряники» – его эхо.

Что ты сейчас читаешь или читала в последнее время не по специальности? Доходят руки и глаза, хватается времени?

Читаю всегда, каждый день. Тем, что я читаю сейчас, гордиться не могу, это беллетристика.

А что в ней плохого?

Так ощущаю, однако ведь читаю... Сейчас на столе книга Александра Казакевича: язык плоский, но много интересного о жизни великих людей.

А что последнее ты читала, написанное хорошим языком?

Харуки Мураками.

Тут еще язык переводчика большую роль играет. А из русской литературы любых времен? От Державина до сегодняшнего дня?

Как раз прошедшее лето у меня было посвящено русской литературе – благодаря внуку. Он любит, чтобы с ним читали. Взяли «Бесы» Достоевского...

«Бесы» – с внуком? Сколько ему лет?

Шестнадцать. Он о многих вещах задумывается и судит с подростковым максимализмом.

Что – сидели и прочли весь роман?!

Конечно. И «Братья Карамазовы»: мне показалось, что это ему уже по возрасту, на него роман произвёл неизгладимое впечатление. Ещё прочли полностью цикл Бунина «Тёмные аллеи». Читали по пять-шесть часов в день.

Ты должна была остаться без голоса...

Что-то читали по очереди, что-то слушали (аудиокниги). И самая большая наша «работа» – «Доктор Живаго» Пастернака. Внук был просто потрясён, сказал: «Я теперь хочу в тишине прочитать его сам». Солженицын: «Один день Ива-

на Денисовича», публицистика. Чехова читали. В общем, надо сказать, что летом у меня было огромное вливание художественной литературы, благодаря внуку. Он перешел в 11-й класс, и мне хотелось, чтобы он знал об этих произведениях не из рассказов учительницы...

Какая твоя главная удача в жизни? Что ты в первую очередь можешь поставить себе в заслугу?

Мои дети.

А в профессии?

Н-нет, не выделю что-то одно. Это путь, который я выбрала сама, по нему иду. Я люблю свою работу, но по поводу всего, что я делаю, у меня всегда есть сомнение и неудовлетворённость: можно было сделать лучше. Всегда хочу чего-то большего, стараюсь двигаться дальше. Увлелась прослушиванием записей исполнителей – скрипачей, пианистов, вокалистов. Из дирижёров – британец Джон Элиот Гардинер, бельгиец Филипп Херревеге. Западноевропейские исполнители здорово продвинулись в прочтении барочной музыки, их результат я оцениваю очень высоко. У нас подход совершенно другой, особенно в баянно-аккордеонном исполнительстве – вообще сомнительный... В то же время отдельные наши исполнители, реализующие себя за рубежом, достигли впечатляющих результатов. Слушаю мессы Баха, пассионы, оратории Генделя, которые у нас даже не записывают. Конечно, и камерно-ансамблевую музыку.

Я уже третий год провожу цикл концертов-дискуссий «Творческая гостиная». Очередное заседание посвящу исполнению музыки барокко. Хочу поразмыслить со студентами над тем, что можно привнести в её исполнение на наших инструментах. У меня в телефон закачено много музыки, сын помог, выхожу в Интер-

нет и слушаю то, что меня интересует, в «Classic-online».

А что не удалось в жизни, о чём ты жалеешь?

Я, наверное, не слишком остро переживаю как удачи, так и неудачи. Поэтому сожаления по поводу чего-то не сделанного, не осуществлённого, у меня нет. Я просто двигаюсь дальше.

Какое качество в себе ты ценишь больше всего?

Мне интересно жить, узнавать что-то новое. Я по своей природе оптимист. Не в том смысле, что всё вижу в розовом цвете, нет – мне интересна сама жизнь во всех своих проявлениях.

А в других какие качества ты ценишь наиболее высоко?

Добропорядочность. Не приемлю вранья, двуличия. Я многое могу простить, понять: и разный уровень развития, и разные жизненные устремления, но вот предательство, агрессия, злоба – не заслуживают снисхождения.

И на закуску. Мне кажется – а ты подтверди или опровергни, – что каждый возраст, а мы уже прожили немало, несёт с собой не только какие-то утраты (например, мы не можем быстро взбежать на 12-й этаж), но и какие-то обретения. Ты видишь плюсы в нашем возрасте?

Как раз задумывалась об этом. Мне многое интересно, и многое, что меня интересовало, я старалась узнать, увидеть, попробовать. С годами пространство моих интересов настолько расширилось, что и ощущение, как много ещё надо узнать, успеть сделать, – тоже усилилось. Такого ощущения я раньше не испытывала. И мне оно нравится. Чувство бесконечности познания. Вот это ощущение огромности мира, который манит и зовёт за собой...

Беседовал Александр Селицкий

